

От роду мне было лет восемь-десять, когда впервые я со сверстниками, без взрослых, очутился на нашем сельском погосте. Помнится, опасливо озираясь, со страхом в сердце мы подходили к каждой могилке, стояли подле них, опутив вихрастые головёнки, подражая взрослым. Полуденное солнце парило сверху. Стояла несносная жара. Но от тени темнохвойного леса на кладбище было прохладно и таинственно. Мы медленно продвигались дальше вглубь. Больше всего нас привлекали старые покосившиеся памятники на провалившихся могилках, сделанные более века назад из железа. Оно давно заржавело, крестики наверху отвалились. Мы по слогам разбирали стёртые временем буквы, стараясь распознать имя усопшего. Но удавалось это с трудом.

Предводителем нашей ватаги был Валя Шимов. Он был много старше нас и уже работал в колхозе, ухаживая за общественными курами. За ним в деревне прочно утвердилась кличка Курощуп. Валя любил нас, и мы за его словоохотливость и откровенность отвечали ему взаимностью. Валя много рассказывал нам о таинствах загробной жизни, о чертях, о русалках и домовых, ведьмах и колдунах. Он наслушался этих сказов от своей бабушки и теперь с удовольствием вдохновенно передавал нам, несмышлёной детворе, оставляя в наших сердцах страх и ужас.

Как только мы открыли калитку погоста, он строго наказал:

— На могилы ни ногой... И не шараться туды-сюды, как очумелые. Вишь, чо тут писано: «Не ходи, прохожий, не топчи мой прах. Я уже дома, а ты ещё в гостях».

— Нашли где селиться! Пошто оне тут дома-то? Наоборот, их из дома припёрли сюда и зарыли...— съязвил Федя Коротких.

— Замолчи-и-и,— зашипели мы дружно на него, боязливо озираясь по сторонам.

— Айда суды,— позвал нас Валя к дальнему покосившемуся памятнику. Верх его давно уже был нарушен, и в торце зияло внушительное отверстие.— Глядите в нутро энтой святости, отроки...— голосом священника затянул Валя.

Мы, несмышлёные, гуртом обступили памятник, и каждый из нас со страхом заглянул вовнутрь. Там лежал свёрнутый, полусгнивший от времени обрывок верёвки. Мне сразу почудилось, что это вовсе не верёвка, а затаившаяся опасная змея, приготовившаяся к прыжку.

— Ядовита гадюка! — испугался я и шархнулся за спины товарищей.

— Придурок! — обозвал меня Валя, пригладив рукой вихрастые русые волосы.— Откель здесь змее взяться? Змеюки жалючие не водятся в наших местах.

— Чо-о-о?.. Тогда там чертяка хоронится...— с трудом проговорил я онемевшими губами.

— Обыкновенная верёвка...

— Верёвка?!

— А ты думал, чуда кака? — пренебрежительно кивнул Курощуп, растягивая в улыбке тонкие губы.— Но знаете ли вы, откель взялась тута энта верёвка?

Валя уже курил. Бесцеремонно усевшись на соседнем холмике могилки, он достал из рваного кармана тулупки, называемой в народе «москвичкой», в которой

он щеголял и зимой, и летом, изрядно помятую пачку папирос «Север», демонстративно чиркнул спичкой и с наслаждением затянулся дымом. Теперь он, не достаивая нас своим вниманием, курил взятяжку и задумчиво смотрел вдаль через просветы елей. Мы, сгрудившись в кучу под разлапистой елью, тоже молчали, содрогаясь от каждого шороха. В эти страшные минуты мне хотелось превратиться в невидимку и исчезнуть незаметно из этого таинственного места. Хотелось со всех ног пуститься наутёк домой, к маме. Но одному бежать было страшно. Казалось, что нечистая сила непременно преградит мне путь, поднимутся покойники, и тогда мне хана. Втиснувшись спиной в спину Федьки Коротких, я с мольбой смотрел в лицо нашего спасителя Курощупа и с нетерпением ждал, когда он наконец-то докурит папиросу. Но вместе с тем страстно хотелось знать, что за тайну хранит верёвка, колечком уложенная в памятнике.

— Так вот, отроки,— наконец изрёк Курощуп, небрежно отщёлкнув пальцем догоревшую до мундштука папиросу. Она, дымя, перевернулась в воздухе и, чадя, улетела на соседнюю могилку. Ваю это несколько не смутило.— Слушайте... Забавну историю ведать начинаю...

Мы, ещё плотнее прижавшись друг к другу и озираясь с опаской по сторонам, приготовились слушать «забавну историю».

— Та-а-ак вот, отроки,— растягивая слова, с чувством превосходства над мелюзгой принялся «ведать» нам Валя о тайне, хранившейся на кладбище.— Не помню, когда было, но шибко давно, однако, припёрли эту верёвку сюды казаки, которы воевали Сибирь. Ажно с самого Иртыша на больших лодках, прозываемых кочами, пёрли. И энтот самый Иртыш текёт под самым главным городом земли — под Москвой. Москва на Иртыше испокон веков стоит и стоять будет. Потому

что она непобедима. Народ русский, который живёт на земле нашей, баский шибко. Ворогу, который тянет руки к богатствам нашим, испокон веков под дых даёт.

— Ажно из самой Москвы верёвку-то приволокли! — ахнули мы, раскрыв рты.

Федя Коротких, сын учительницы Прасковьи Фёдоровны, был самым просвещённым из нашей оравы, и он, задев самолюбие нашего предводителя, смело возразил:

— Не завирайся, дядя Валя.

— Кто энто там? — насторожился Курощуп, удивлённо округлив глаза.— Чтой-то не пойму: откель глас Божий?

— Иртыш-то-река по Сибири текёт извеку. А от Москвы до нашей Сибири вёрсты чёрт кочергой мерял. Так и не смерял, сказывают. На школьном глобусе всё нарисовано.

— Не богохульствуй, не забывай, где находишься, отступник. На святом месте мы ныне,— троеперстием показно перекрестился Валя.

Мы заоглядывались, и нам стало жутко от упоминания Федькой чёрта.

— Можа, Иртыш-река и протекает где поблизости от нас, и Москва чуть подале от неё стоит, не спорю. Но дело не в этом,— неохотно согласился Валька.— Так вот, отроки, открываю вам тайну велику. Мне бабка Ефимия её рассказала. Только никому ни гу-гу! Особливо взрослым! Гром и молния разразит того, кто нарушит энтог запрет. Так до искончанья веку должно идти.

— Век закончится, а потом как? — несмело вякнул я.

— Это ужо вовсе друга история будет, шибко длинна, якши корень,— крякнул и размял в пальцах очередную папиросу Валя.— Мне бы, дай Господи, успеть дотемна энту тайну вам открыть, а то вона ночь на головы ляжет... Не приведи Господи те...

— Так айда в курятник,— обрадовался я, готовый тотчас же ринуться вон.

Но Курощуп не торопился Ему, видно, доставляло немалое удовольствие держать в постоянном напряжении детвору. Несмотря на то, что он помыкал нами как хотел и на колхозной птицеферме мы служили у него в подсобниках, нас всегда тянуло к нему как магнитом. И сам Валя был довольно странным и непредсказуемым: то он матюгался на куриц, как заправский мужик, и мог за пустую провинность любой из них отвернуть голову, то жалел их и лелеял. Мог плакать от отчаяния, когда бесследно исчезали колхозные куры из курятника, проклиная свою судьбу, крестясь, неумело кладя крест на грудь, путая левое плечо с правым. Он тайком кормил нас яйцами, которые мы прирастались пить сырком, без соли. За каждого из нас он мог грудью пойти даже на дюжего мужика. Очевидно, его взбалмошный характер и доброе сердце покоряли нас, мальчишек.

— Не можно дрейфить,— категорично заявил Валя, свысока поглядывая на нас.— Энта история про верёвку должна быть рассказана до конца здесь. Иначе, упаси Бог, чо могёт приключиться: громы и молнии разобьют в прах всё, чо на земле и под землёй покоится. И нас с вами не пошпадят товды!

У страха глаза велики. Заклацали мы зубёнками, по телу мурашки побежали. Мы не знали, что с нами дальше будет. Поэтому жались к Курощупу, и каждый из нас норовил протиснуться в серёдку ватаги, холодея сердцем.

— Так не тяни же резину, рассказывай ужо, чо было дале,— торопил его самый смелый из нас, Федя, поёживаясь.

— Дык вота, отроки, энтой самой верёвкой был удушен самый заглавный воевода на Руси — Ермак! Татарский хан Кучум, будь он неладен, его задавил, ковды дружина Ермака воевала Сибирь. Сказывала

энту историю моей бабке Ефимии её прабабушка Ани-
сья. Ужо она доподлинно всё знала. Чичас тока часть
дошла до нас. Казаки-то, в память о хоробром Ермаке,
сюды энту верёвку и приволокли.

— Так Ермак же утоп,— робко подал голос наш
просвещённый Федька.— Я книжку читал, как он
утоп в Иртыше.

— Чо твои книжки?! Врут там всё,— категорично
запротестовал Валька. Подумав, сказал примиритель-
но: — Може, и утоп... Почём я знаю? Но тока главное
то, что кто раздобудет конец энтой истории, тот наве-
ки станет фартовым. Ему заранее уготован рай в небе-
си. Энта верёвка-то колдуном заморожена. Никто её
не смет взять. А подымет лишь тот, кто разгадат тай-
ну. Вона там, сказывают,— он указал рукой на приго-
рок,— вона, где поле ныне, первые Ермаковы ратные
люди селились. Острогой то поселенье прозывалось.
Там оно закопано... счастье-то.

— Не острога, а острог,— поправил Федя.

— А хошь горшком назови,— презрительно глянул
на него Курощуп.— Тока в печь не сажай. В той земле
зарыта тайна, никто до неё не доберётся. Но еслив кто
уродится фартовым и может раскопать энту тайну, то на
небеси возгорится большая звезда, и вокруг её осветится
имя ево! Веками гореть станет. А люди будут поклонять-
ся ему, как самому Богу,— самозабвенно врал Валька.

Рассказанное Курощупом заморозило нас и толк-
нуло к действию. Закружились наши бесшабашные
головушки.

На следующий день, ближе к ночи, мы, босоногая
орава, вооружившись лопатами и ломami, усердно
раскапывали колхозное поле. Каждый надеялся найти
свой фарт, чтобы навсегда остаться в истории.

На небе высветились звёзды. Лунный свет нахаль-
но-таинственно освещал окрестности. С кладбища

Доносились какие-то странные звуки. Постоянно оглядываясь, неумело и как попадая крестясь, прося Божьего благословения, мы усердствовали на поле, переворачивая и перемешивая по земле колхозную молодую картошку, только-только набравшую силы.

Удача вроде бы сопутствовала нам. На окрайке поля, в заросшей травой борозде, мы откопали ржавый четырёхгранный штык. Видно, от Гражданской войны остался. Мы были на вершине счастья. Покойники нам были уже не страшны, и все рассказы про нечистую силу растворились в нашем неуёмном желании найти клад. В пылких ребячьих сердчишках огнём горело только одно желание — во что бы то ни стало раздобыть под землёй своё счастье.

Короткая летняя ночь быстро отступала. На окрайке поля обозначились верхушки задумчивых елей. Светало. Раскопки пришлось закончить. Решили оставить их на следующую ночь.

Закинув инструменты на плечи, мы весёлой гурьбой, счастливые, направились в сторону деревни. А на уже светлеющем небосклоне ещё горела и звала нас в неведомую даль яркая Путеводная звезда. А наши глаза сияли ярче этой таинственной для нас звезды.

— Там ить тоже живут люди,— весело указал глазами на мигающую звезду Федыка.

— Ишшо как живут! Не то что мы тут... Нужду мыкам...— подтвердил Толик Калистратов.

— Мы чо, хуже их живём? — засомневался я.

— Не хуже заживём, еслив пофартит и клад со счастьем найдём,— подначил Федыка.— А фарт — дело тако...

Я засомневался:

— Однако, глубоко зарыли в землю счастье-то казаки. Откопам ли?

— Откопам,— решительно заверил Федыка, потрясая в воздухе штыком.— Вона каку хреновину отколупали! Это вам не хухры-мухры! А счастье — оно чо? Оно, небось, не глубже этой самой хреновины закопано. Я думаю, надо не обочину ковырять, а дале по полю податься, на серёдку ево высунуться. Острог казачий, должно, был устроен на вершине холма.

— Но там же дворы колхозные. А в них разного скота полно,— сказал я.

— Скота отпустим на волю. Дворы по брёвнышку разберём иль подкопам,— заявил Федыка.

Мы с азартом строили планы на завтрашний день. Вот только почему-то Валька Курощуп, сославшись на неотложные дела, от поисков клада наотрез отказался. Он не хотел искать счастье и сослался на занятость. Но нас это не насторожило. Теперь Федыка, уверенный в удаче, со штыком в руке, стал нашим предводителем. Идя во главе ватаги, он торжественно вёл нас домой.

Страж колхозных дворов, шестидесятилетняя, сухая, истомлённая постами, бабка Агафья в это время была на своём неизменном посту у коровника. Она увидела надвигающиеся от кладбищенского леса неясные силуэты, и сердце её захолонуло.

— Ой-ой-ой!.. Сусе Христе, спаси и сохрани,— закудаhtала она испуганно, пятясь к коровнику.— Покойники подымаются... Сусе Христе!... Ой-ой-ой... Чо деется-то, Господи! Чо деется...

К несчастью, Федька вырядился в белую холщовую рубаху. Подслеповатой бабке Агафье показалось, что это покойники в белых саванах. Они направлялись в её сторону, растопырив костлявые руки. Страх сковал все члены старушки.

— Сусе Христе! Сусе Христе! — взывала она лихомамом, беспрестанно крестясь и пятясь.

Она в отчаянии попыталась стремглав ринуться в деревню, но её ноги онемели. Упав на колени, бабка Агафья вознесла к небу руки:

— Сусе Христе, спаси и сохрани мя, грешную. Диявол меня попутал, ташшила без чуру ночной порой колхозных курей. Сусе Христе... Не стану больше брать чужие яички... Сусе Христе, спаси и сохрани мя, непутёвую... Сусе Христе, пошшади старую, немощную рабу Твою. Я ить внучаткам, внучаткам ташшила. Оне, внучатки-то мои, ить совсем маленьки. Пропитанье им надоть... Брала грех на душу. Каюсь, каюсь, грешная, увязла в грехах. Сусе Христе, милостливый... Каюсь, каюсь...

Бабка Агафья ещё бы каялась, призывая во спасение Господа, но ей стало худо, язык онемел. И она, беззвучно открывая рот, упала ничком в навозную кучу.

Утром тревожный слух разлетелся по всей деревне: бабку Агафью ловили покойники, и её чуть не разбил паралич. В колхозной конторе ржали мужики. Они, бесстрашно ходившие на медведя, не верили в привидения. Деревенские бабёнки, перепуганные слухами о поднявшихся на кладбище покойниках, для острастки нечистой силы принялись углями малевать входные двери и оконные рамы, нанося крестики. Председатель

колхоза, стуча кулаками по расшатанному столу в конторе, крыл матом всех, кто попадался под горячую руку:

— Я вам покажу привиденья! Шта, привиденья изрыли всё поле, как свиньи рылом? Чо тепереча я буду сказывать в районе? Привиденья помешали по разнарядке сдать картошку государству? Обхохочут меня тута жа и в шею турнут план тот делать. Имя там, наверху, всё до лампочки. Скоко нервов и крови мне энта разнарядка стоит. А вы, жеребцы, чо гогочете? Ишь, весело им! Опеть, поди, к лагуну с медовухой приложились? Вы у меня ишшо не так запоёте. Я правду всё одно распознаю. Ишь, привиденья! Покойники у них из могил поднялись! Обормоты... Кровопийцы... Вы у меня вот тута, — председатель гневно хлопнул ручищей по своей короткой шее.

Да так хлопнул, что сам сморщился и очумело плюхнулся на табуретку. Табуретка, треснув, развалилась, и он во весь рост растянулся на щелястом полу.

— Будет, Иван Матвеевич, хорош лаяться, — не унимались мужики. — Фельшара из города вызывай. Надо спасти бабку Агафью. При смерти лежит вона, сердешная. А ты картошку пожалел... Лучше бы на пасеку за медовухой кого турнул, выпили бы за упокой души бабки Агафьи. Мы бы потом быстро разобрались, откель объявились энти привиденья. Ха-ха-ха...

— Она чо, уже упокоенная, бабка Агафья-то? — остепенился председатель.

— Пока ишшо дышит. Но мало ли чо?.. К вечеру может окочуриться. Всё в руках Божьих, — притворно вздохнул хитрый седой Евдошенька.

— Оно так — мало ли как! — подтвердил вёрткий Кирюшка, поводя большими, мутными с перепоя глазами.

— Замолчь потешаться над опчей бедой, — прикрикнул, топнув ногой, председатель.

Кто-то из колхозников подсказал, что бездомный Валя Шимов ночует в курятнике и он, возможно, видел этих «покойников».

— Подать мне Курошшупа,— заревел председатель.— Живым аль мёртвым, но притащить в контору! Иначе ваши дурные башки посшибаю и вместо картошки сдам на заготовки. Хде Курошшуп?.. Ихде, вас спрашиваю?

Скоро исполнительные мужики, чтобы угодить председателю, нашли и притащили Вальку в контору. Очень уж им хотелось побыстрее разобраться с этим переполохом в деревне и улизнуть на пасеку, где их ждала хмельная медовуха.

Валя под натиском председателя Ивана Матвеевича сдрейфил и без утайки выложил всё, что знал, о «привиденьях» и кто был на колхозном поле.

Скоро «привиденья» в полном составе предстали перед судом председателя. Затем их турнули в сельсовет. А в довершение «судебного процесса» следствие велось уже у каждого в доме.

Отчим, захлестнув несколько раз на кулачище ременную супонь, поднёс её к моему носу:

— Вот, видал? Забыл, чо ли? Я те покажу, пакостник, привиденья. Я те заставлю нюхать, а потом стирать вонючие низики бабки Агафьи. До чего, ироды, довели старушонку! До умопомрачения довели, оглоеды. Это ж надо придумать! Откель стоко прыти? Лучше бы дома таким разворотливым был. Ишь, привиденья...

— Чо искали-то в колхозной картошке, сынок? — жалостливо спросила меня мама.

— Счастье...— ответил я, растирая кулачишком по грязным щекам слёзы.

— Счастье?! — удивилась мама.— Где ужо найдёшь ево, счастье-то, сынок? Его извека не бывало у

нас. Всё мантулим в колхозе, а просвету не видно. Хоть бы тебе оно, счастье-то, когда улыбнулось. Землю лопатой копать — не много ума надо. Ты лучше в школе учишься справно. Может, и найдёшь тогда счастье-то своё...

Мама, обхватив голову руками, упала ничком на деревянную койку, горько зарыдала.

Отчим нервно швырнул супонь в угол. Сопя, вышел на улицу, сильно хлопнув дверью. Дом вздрогнул.

Осенью наши родители всей деревне собирали картошку, чтобы сдать в колхоз. Своей не хватало. Просили у добрых людей под новый урожай.

Где оно, счастье? Зарыто ли глубоко в земле? А может, оно уже давно мною найдено? Ведь искал я его в добре к людям, в постоянной и кропотливой, порой до умопомрачения, работе. Но счастлив был, что изнурительная работа приносила мне удовлетворение.

А может, счастьем и была та звёздочка детства, которая сверкала на небе в ту далёкую летнюю ночь? Она, звёздочка, обворожила меня, заложила в сердце первозданное начало. Вела и не гасла, освещая мой путь радужным и неистребимым светом.

Придёт то время, когда моя душа вознесётся к небу и сама станет звёздочкой. Замерёт, застынет в неподвижности, ожидая с нетерпением новой живинки ли, толчка ли, чтобы снова вспыхнуть, ожить и радостно опуститься на землю, воплотившись в новорождённом младенце. И он, окрепнув и прочно встав на ноги, возьмёт в руки ручку и бумагу и допишет те слова, которые я не досказал, не додумал, не нашёл, не дописал...